

ЭРА ДУМЕР

ЖРЕЦ
СО ЩИТОМ –
ЦАРЬ
НА ЩИТЕ

МОСКВА

ЭРА ДУМЕР

ЖРЕЦ
СО ЩИТОМ –
ЦАРЬ
НА ЩИТЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д82

Иллюстрация на обложке *CACTUSUTE*

Внутреннее оформление *Renge.R*

Думер, Эра.
Д82 Жрец со щитом — царь на щите / Эра Думер. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с.

ISBN 978-5-04-222183-5

Царская эпоха Древнего Рима. Колыбель будущей империи охраняет Священный щит, дарованный царю-миротворцу богами. Междоусобицы и войны прекратились, уступив место процветанию и духовности.

Утопия рушится в праздничный день — время останавливает ход. Из всех граждан Рима проклятье не касается только двух неприятелей: жреца Бахуса, страдающего синдромом спонтанного опьянения, и Царя священнодействий с тягой к воровству.

Бывшие друзья вынуждены вновь объединиться, чтобы в поисках рукописей легендарного царя отправиться в дальнее странствие и спасти родину от конца времён. Однако жрецы ещё не знают, что путь, полный опасностей и врагов, ведёт в западню.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222183-5

© Думер Э., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Приветствую вас, наши книжные друзья, в клубе «Родственные души»! В нем вместе с героями вы сможете побывать в волшебных мирах, отправиться в путешествия во времени и стать свидетелями зарождения связи между душами, что порой крепче родства и сильнее судьбы.

Уже ощущаете жар солнца и видите вдаль виноградники? Мы на пути в Древний Рим, над которым властвуют своевольные боги! Люди там соседствуют рядом с волшебными созданиями, молва о которых еще не канула в Лету, а мир пропитан магией.

Поторопимся, чтобы попасть в самый эпицентр событий! Вот-вот совершится торжество, которое станет для Рима роковым и предопределит судьбу не только города, но еще и двух его слуг — Царя священнодействий и жреца Бахуса.

Но Рим — это лишь начало долгого путешествия, в которое нам предстоит отправиться... На пути поджидают смертельные опасности, тайны человеческие и божественные, давние пророчества и хитрые сделки, на которые стоит идти с осторожностью.

Вернемся мы обратно со щитом или на щите — решит только судьба или же тот, кто может на нее повлиять.

Добро пожаловать в книжный клуб «Родственные души»! Встретимся с вами снова в следующих историях!

Ксения Сонн, писатель и автор блога «Сонн (не) спит»

*Моей маме Виктории.
Люблю тебя до Луны и обратно.*

Все события вымышлены и не претендуют
на историчность. В романе могут содержаться
исторические допущения для мифологизации сюжета.

Rkomi, Karakaz — HO PAURA DI TE
Maraton — Spectral Friends
Apashe, Sullivan King — Never Change
Death In Rome — Take On Me
Måneskin — LA FINE
Asper X — Держись
Tananai — MALEDUCAZIONE
Chiodos — Hey Zeus! the Dungeon
Darren Korb, Ashley Barrett — In the Blood
Måneskin — IL DONO DELLA VITA
Junius — Clean the Beast
OneRepublic — Mirage
Wiwo — Ночь (А. Губин Italian cover)
The Vaccines — Paranormal Romance
Пионерлагерь Пыльная Радуга — Гранаты

*...Твой Рим доживёт, хотя и во прахе,
до окончания дней и вкупе со всею вселенной
сгинет в исходе времён.*

Петрарка Ф. «Африка», II, 324–326.

Пер. М. Гаспарова, Е. Рабинович

* Идущие на смерть приветствуют тебя.

710 г. до н. э., домус Туциев

— Анния, ты боишься смерти? — спросила Кирка, не обернувшись к вошедшей.

— Наверное, боюсь. — Тонкие губы Аннии опустились, а с опухшего века сорвалась слеза, которую она стёрла костлявой ладонью.

Анния расположилась на низком ложе, клинни, и прижала к груди сына, мирно спавшего в плотном коконе ткани. Огонь очага и персиковые стены, краску для которых Анния помогала разводить, благотворно влияли на дух. В северное крыло домуса Туциев, которое Кирка облагородила под собственные нужды после родов, не был вхож ни один муж, включая её супруга. Кирка Туций как-то пояснила Аннии, что посвящать мужа в материнские таинства — вздорное попустительство. Та постеснялась спросить, в чём оно заключалось, и всякий раз ломала голову, как бы вернуться к теме разговора, дабы не томиться в раздумьях.

Устроившись поудобнее меж расшитых подушек, Анния разглядывала, как покачиваются на сквозняке балдахины из тонкой ткани, коими был завешан потолок. Ветер приносил ароматы трав и масел, что хранились

в горшочках на высоких полках. Ваза со сладкой смоквой отбрасывала на стену причудливые тени.

Анния Корнелий, отощавшая от продолжительной хвори, стыдилась того, что портила тоской чудный вечер.

Кирка, которую за глаза оскорбляли старородящей колдуньей, в свои годы выглядела безупречно: распущенные угольные волосы разметались по голым плечам, линия коих плавно скатывалась ниже. Из-под приспущенной туники виднелась грудь — она кормила младенца. Дитя Туциев появилось на три месяца позже ребёнка Аннии, однако в нём уже вырисовывались изящные сабинские черты, унаследованные от матери.

— У Ливия милая родинка, — произнесла Анния, желая сменить русло разговора. Когда Кирка, сидевшая к ней спиной, обернулась, демонстрируя на правильном лице полдюжины похожих пятнышек, показала на собственную щеку и улыбнулась. — Сколько сердец он разобьёт? Бедные девы.

Беспристрастное выражение её напугало Аннию, но Кирка, сморщив нос, рассмеялась, и плечи гостя моментально расслабились. Кирка погладила личико сына пальцем и сказала:

— Ты права, тех дев, кого сегодня кормят грудью иные женщины, ждут двое прекрасных мужей, ведь и твой Луциан не уступает Ливию в стати. Погляди, какой он у тебя мужественный: как пронзительны его глаза, как крепко он хватает тебя за одежды, требуя груди...

— Мойры спряли для моего Лучика и Ливия удивительное будущее. Но я уверена, милая Кирка, не сыщется на свете ни один камень, что будет крепче дружбы между нашими сыновьями.

Кирка перевела взор на окошко. За решёткой серебрился лунный диск, что беззастенчиво следил за ними.

Решившись, она оголила вторую грудь и протянула руку в приглашающем жесте:

— Твоё молоко пропитано дыханием смерти, Анния. Я буду кормить Луциана своим, чтобы он вырос здоровым.

Анния растерялась, предложение поразило её и огорчило — в минуты, когда сын питался её молоком, она ощущала крепость их союза. С разрывом связующей нити пропал и якорь, что удерживал её в мире живых.

Анния заплакала, утирая слезу за слезой и кривя тонкие губы, она уже не страшилась испортить приятную атмосферу. Кирка подошла к ней и, присев рядом, обняла за плечо. Поглаживая подругу по почти облысевшей голове, она качивала их троих, глубоким голосом вещая:

— Они не будут друзьями. Они — братья по молоку. У них разные матери, но единая энергия, что свяжет их. Мойрам придётся крепко подумать, как развязать гордиев узел их судеб. Поверь, Анния, с твоей смертью заключения Луциана ещё даже не начнутся.

Анния вытерлась и передала сына, который проснулся, что-то заподозрив, и, насупившись, приготовился оглушить присутствующих воплем.

— И с чего же, — она сглотнула солёные слёзы и улыбнулась, — с чего же они начнутся?

Кирка ловко заткнула малышу Луциану рот — теперь оба дитя питались, глаза то друг на друга, то на кормилицу. Будто прочитав ответ по звёздам, видневшимся в окне, Кирка ответила:

— С холмов.

Входная занавесь колыхнулась, и женщины вскинули головы в тревоге. Кто пожаловал в поздний час? Первой избавилась от наваждения Кирка. Она низко склонилась — насколько позволяли малыши — и кротко поприветствовала ночную гостью:

— Богиня, твой визит — честь для нас.

Анния вздрогнула и торопливо прикрыла капюшоном проплешины, опустив глаза.

В помещение вошла величественная женщина. Высокая, осанистая и плечистая. Её вечно фертильное тело окутывала тога небесного цвета, драпированная морскими волнами вокруг груди и крутых бёдер. Толстые и пушистые, как имели, брови выделялись на снежно-белом лице, обрамлённом солнечными кудрями.

Водяная нимфа по имени Эгерия, прорицательница, законотворец, советница и супруга царя Рима Нумы Помпилия, вошла в дом Туциев, и у Кирки дрогнуло сердце в недоброе предвкушении.

Её травянисто-зелёные очи глядели на крохотные макушки младенцев. Кирка прикрыла их собственной тогой, и Эгерия, подобно птице, вскинула острый аккуратный нос. Аннию не удостоили и взором.

Тонкий перст нимфы указал на Ливия.

— Твой родной сын будет испытывать вечную жажду, ибо ему не хватит молока, которое ты разделила. Упьётся вусмерть из рога изобилия вечный раб Вакха, сама кровь его обратится вином. Вакхант, которого воротит от капли вина, ибо сам он — вино. Травясь собственными парами, он будет нарываться на меч, сражаться, как варварский берсерк, как безумец, пока не выветрится спирт. Он будет терять себя и память, испытывать вино и часто думать о смерти.

Перст перенёсся на Луциана, и Анния с воплем преклонила колени перед Эгерией. Она сцепила пальцы, прося пощадить сына и не озвучивать страшных пророчеств. Она целовала золотые сандалии Эгерии, её десницы и дерево, на котором та стояла.

Но Эгерия осталась глуха к её мольбам.

— Молочный брат его будет воровать с тем же голодом, с которым отнял сейчас чужую грудь. В потеху Мер-

курую его вожденными жёнами станут золото, серебро и медь, а любовницами — драгоценные камни, шелка и предметы искусства. Царь священнодействий, верховный жрец всего Рима, — плут и казнокрад. Но блеск золота померкнет для него в сравнении со святынями — в присутствии истинной реликвии чресла вора наполнятся горячей кровью, словно при виде обнажённой девы; желание отяготит его сердце, пока он не украдёт. А украв, будет испытывать душевную боль и непомерный стыд.

Патрицийки безмолвно взирали на свою царицу.

— В празднество божественных супругов Вертумна и Помоны, тринадцатого августа, когда юноши достигнут тринадцати зим, ровно в полночь с криком Каладрия проклятия настигнут их, — произнесла Эгерия и одарила взором Кирку. — Именно так хочет наказать тебя бог, которого ты оскорбила.

Кирка не позволила себе чувств. Она пусто глядела перед собою. Обе знали — сокрушительный удар ещё не нанесён, и они угадали.

Эгерия посмотрела прямо перед собой затянутыми пеленой очами и выставила руку, насылая проклятие, которое остановит сердце любой матери:

— Прожив два десятка лет, оба проклятых жреца погибнут страшной смертью. — Под истерический вопль Аннии и шёпот молитв Кирки Эгерия промолвила: — Путь их начнётся с холмов. Холмы, холмы... Сплошные холмы.

** Истина в вине!*

690 г. до н. э., где-то в Риме

— Холмы, холмы... Сплошные холмы. Все чужие... — Икота разбила фразу и мысль.

Из-за затуманенного ума я не мог вспомнить, как добраться до дома. Левая нога змеёй обвила правую, и я повалился в ров. Застонав от боли, попытался встать, но дрожащие колени подкосились — я свалился на частокол. Из иссохшего рта посыпались извинения. Дрянное тело развалилось среди вывороченных из земли кольев, как один из них, столь же беспомощный.

Дверь хижины со скрипом отворилась, и на порог вышел дубильщик. Он обнаружил источник грохота, который, видимо, разбудил его, и бросился с кулаками:

— О во имя Юпитера, ты сломал мой забор! Завтра праздник, а ты уже сегодня на ногах не стоишь, пьяный дурак!

— Не пьян я, глупый бык... — Потребовались усилия, чтобы сдержать в себе похлёбку, которую я влил в себя вечером. — А что за пр-разднество?

— Ты что же, пропил мозги так, что и забыл, как календарь читать? — Здоровяк возвысился надо мной: мне померещилось, что у него много глаз, расплывшихся по физиономии.